

О лени

Сян Син с самого начала понял, что вскоре после выхода из Бафаюя за ними кто-то увязался, именно потому, что хорошо знал запах Хуай Чэнъиня. Почувствовав на себе его взгляд, он медленно повернул к нему свои большие пустоватые глаза и, не моргая, уставился на его всё ещё по-детски мягкое круглое лицо.

Цзян Тан, увидев давних друзей, страшно обрадовался. Он уже слышал новости: Сун Цзиньяо совсем раскис, а Шэн Исюэ так разозлилась, что ушла в секту Хуаньюнь к Му Фаньюаню изучать лекарское искусство и в ближайшие несколько лет из затвора не выйдет. Поэтому сама возможность снова увидеть Е Чжэньвэня и Хуай Чэнъиня уже очень его радовала.

— Давно не виделись! — Цзян Тан изо всех сил помахал им рукой. — Как вы поживаете?

Взгляд Е Чжэньвэня на миг скользнул по странным глазам Цзян Тана, но почти сразу он расплылся в яркой улыбке:

— Молодой господин Цзян, давно не виделись. У меня всё очень хорошо!

— У меня тоже всё отлично, спасибо, что беспокоишься! — Хуай Чэнъинь тоже отвёл взгляд и улыбнулся.

Так прежняя троица превратилась в пятёрку.

Для Цзян Тана эти десять лет были всего лишь долгим сном. Он не чувствовал, как шло время, и внешность у него по-прежнему оставалась юношеской. Цзян Тан решил: наверное, благой зверь ещё не достиг взрослого возраста, поэтому и в человеческом облике выглядел так же, как раньше.

Но для Хуай Чэнъиня и Е Чжэньвэня за эти десять лет изменилось многое.

Прежде всего — внешность.

Десять лет назад они оба были шестнадцати-семнадцатилетними юнцами, а теперь стали мужчинами двадцати шести-семи лет. И ростом вытянулись, и плечи у них стали крепче.

Е Чжэньвэнь и раньше был из тех, у кого густые брови, большие глаза и довольно чёткие черты лица, а особенно приметными были глаза — лукавые, беспутные, с поволокой. Десять лет не

сделали его серьезнее; напротив, теперь он казался ещё менее благонадёжным. В юности он в лучшем случае походил на сорванца, а теперь превратился в самого настоящего праздного повесу: взглянешь один раз — и сразу захочется спрятать от него всех дочерей поблизости.

Хуай Чэнъинь изменился не так сильно. Лицо у него было скорее круглым, и даже когда детская пухлость сошла, он всё равно выглядел мягким, милым и послушным — таким, кому с первого взгляда хотелось доверять.

Два хороших друга рядом казались полными противоположностями.

Ещё изменилась их ступень совершенствования.

Оба они когда-то были кандидатами в пятёрку небесных талантов, просто нарушили правила и потому были вычеркнуты из списка. Впрочем, при силе родов Е и Хуай такая пустая слава им была не особенно нужна. В их семьях и так у каждого имелся свой даосский святой — каких ресурсов они могли не получить?

Поэтому за какие-то десять лет они уже давно сформировали золотую пилюлю и даже находились всего в шаге от царства бессмертного Дао.

Они не стали упоминать перемены во внешности Цзян Тана, и Цзян Тан тоже почувствовал облегчение. Все молчаливо обошли эту тему стороной и всю дорогу шли, болтая о другом.

Когда они вернулись в долину Тяньбэй, только-только наступил полдень.

— Я займусь уборкой! — Хуай Чэнъинь по собственной инициативе взял на себя наведение чистоты. Совершенствующиеся могли пользоваться заклинаниями, так что убираться было проще.

— Тогда я займусь ремонтом крыши и повреждённых павильонов, — Е Чжэньвэнь потёр подбородок, прикидывая, с чего начать.

Сам он, разумеется, домов ремонтировать не умел, зато знал, кто умеет. Башня Цяньцяо его дяди, чтобы сохранять роскошный вид, время от времени приглашала мастеров для ремонта. Если Е Чжэньвэнь чего-то не понимал, он мог просто спросить у них.

Сян Син, видя, что остальные уже распределили работу, очень серьёзно подумал немного, а потом попросил у Цзян Тана семена:

— Я пойду... сажать деревья.

Цзян Тан никак не ожидал, что, выйдя за покупками, притащит обратно ещё двух бесплатных

работников. После такого распределения ему почти нечем стало заняться, и он решил довести лень до совершенства: отдал Сян Сину все семена, какие у них были.

— Лotosовые семена — в изумрудное озеро.

— Цинлин — на задний склон.

— Деревья тан — по обе стороны.

— ...

Он разом расписал весь задуманный фруктовый сад и цветочное море, а потом посмотрел на Фу Линцзюня, которому тоже было нечего делать.

Работники уже начали распахивать землю, чинить дома и наводить порядок, а они двое стояли в тени деревьев и бездельничали, словно деревенские богачи да помещики-кровопийцы.

Бездельничали-бездельничали, пока Цзян Тану самому не стало немного неловко.

Он тайком подступил ближе к Фу Линцзюню, привстал на носки и тихо сказал:

— Давай сбежим погулять.

Фу Линцзюнь опустил на него взгляд, словно спрашивая, куда именно он хочет пойти.

Цзян Тан моргнул:

— В медовый месяц.

Сян Син, которого без всякой причины бросили: «...»

Е Чжэньвэнь и Хуай Чэньинь, которые пришли помочь, а в итоге стали главной рабочей силой: «???»

Медовый месяц

Медовым месяцем это называлось только на словах. На самом деле Цзян Тан просто хотел выбраться поиграть.

Когда он ещё был маленьким зверьком, его самым большим желанием было стать человеком. А когда он стал человеком, ему захотелось свободно выходить наружу, исходить горы и реки, увидеть смену всех времён года.

Сян Син запинаясь рассказывал, что за десять лет, пока Цзян Тан спал, они с боссом побывали во многих местах. Но Цзян Тан ничего не помнил, поэтому хотел пройти этот путь ещё раз.

Тем более дома появились двое сказочных помощников по хозяйству, которые могли делать работу за них. Почему бы не выйти и не развлечься?

Чтобы ходить по городам смертных, Цзян Тану пришлось немного замаскироваться. Босс снова сделал его волосы и глаза чёрными, и он стал выглядеть как послушный юный господин.

Отойдя довольно далеко от Гуанлина, они у края горной глуши увидели цепочку деревень. Цзян Тану всегда было любопытно, как обычные люди живут в мире бессмертных героев, поэтому он схватил Фу Линцзюня и потащил его к деревне.

— Ух ты, чёрные свинки! — глаза Цзян Тана загорелись.

В крестьянском дворе, обнесённом плетнём, на свободном выгуле бегали две маленькие чёрные свиньи с крепкими поджарыми боками.

Мясо чёрных свиней обычно ароматнее обычной свинины. Цзян Тан смотрел на этих двух свинок не отрываясь.

Фу Линцзюнь с явным отвращением скользнул взглядом по двум чёрным свиньям.

Поросята успели поваляться на земле, к бокам у них прилипли травинки; к тому же они только что ели кормовую кашу. В общем, как ни посмотри — грязнули.

Цзян Тан стоял рядом и бормотал:

— Мясо у чёрных свиней очень вкусное. Нежное, особенно если сделать молочного поросёнка на жаровне, — будет невероятно ароматно!

Фу Линцзюнь не дрогнул.

Он даже лишний раз посмотреть на этих двух свиней не хотел.

Цзян Тан понял, что разговаривать о еде с человеком, у которого нет никакой тяги к вкусному, довольно скучно. Ему оставалось только с тоской смотреть на двух маленьких чёрных свинок и

мысленно с ними попрощаться.

Они вдвоём пошли на восток вдоль крестьянских дворов и наконец до наступления темноты добрались до города смертных. Действуя уже привычно, взяли комнату в постоялом дворе и заказали еду.

Видимо, вкусовые рецепторы Цзян Тана избаловал повар из области Цянькунь. Когда он попробовал обычные блюда, те показались ему не такими уж вкусными, и за еду он взялся не так рьяно, как прежде.

Фу Линцзюнь, как обычно, не ел. Он сидел напротив, составляя Цзян Тану компанию, и видел, что тот ест рассеянно.

У обоих на уме было своё.

Цзян Тан думал: сегодня ночью они взяли в постоялом дворе всего одну комнату, значит, потом наверняка будут спать вместе. Теперь у них ведь, можно сказать, разрешение есть: они поженились, и хотеть сделать что-нибудь стыдное — это совершенно нормально, правда? Только вот если прямо здесь, в постоялом дворе... не будет ли немного неловко?

Он ел и время от времени трогал лицо.

Горячее.

А Фу Линцзюнь тем временем решил, что Цзян Тан всё ещё думает о двух маленьких чёрных свинках, которых видел раньше.

В конце концов, когда Цзян Тан хотел мяса, его душа окрашивалась в тот самый жадный оттенок.

Поэтому той же ночью Цзян Тан так и не дождался ничего стыдного. Зато в полудрёме он дождался пронзительного свиного визга и лёгкого прикосновения к плечу.

Цзян Тан медленно проснулся — и встретился взглядом с другой парой глаз, полных ужаса.

— Ай! — Цзян Тан испуганно отпрянул назад и, потеряв глаза, наконец понял: перед ним появилась большая чёрная свинья.

Да. Именно большая.

Такая, что одной рукой точно не утащишь.

— Старший, не ешьте меня, у-у-у! — чёрная свинья плакала, похрюкивая, и отчаянно молила Цзян Тана о пощаде.

Цзян Тан: «...»

Нет, погодите. Зачем Фу Линцзюнь притащил ему такую огромную живую свинью?!

<http://bllate.org/book/17032/1724076>